

КАРИНА ВАЛЫЦ

Семь снегов
ЭЛЬФИНЫ
РЕЙН

Семь снегов
ЭЛЬФИНЫ
РЕЙН

КАРИНА ВАЛЬЦ

Часть 1

СНЫ ПРОКАЗНИКА
ШАРЛЯ ДЕ КРЮССОЛЯ

ГЛАВА 1

ВЫХОДНЫЕ ПРОЙДУТ ВЕСЕЛО — вот что поняла Эльфина Рейн, наблюдая за Шарлем де Крюссо-лем, сыном знаменитого французского миллиардера. Тот самый случай, когда на миллиарды отца можно купить все, кроме самого важного. Шарль де Крюссоль уже несколько часов напивался в баре швейцарской деревушки Фиш, вел себя громко и развязно, мешая остальным гостям и создавая неудобства сотрудникам. Бармена он пытался спровоцировать на бестолковый спор («Спорим, что официантка покажет грудь моим приятелям?»), а самой официантке раз двадцать крикнул про испачканную мелом пятую точку. И нет, Шарлю де Крюссолью не пять лет, как могло показаться, парень уже в том возрасте, когда в баре можно находиться легально и так же легально бесить всех вокруг. Де Крюссолья окружали такие же «умные» лбы, как и он сам, — не зря говорят, что подобное тянется к подобному.

Эль ждала момента, когда можно будет дотянуться до Шарля, но все время что-то мешало. Сначала трезвость компании, затем исчезновение де Крюссолья (уходил в туалет с красоткой из бара), а после — попытка поспорить с барменом. Но Эль верила в скорый успех: компания де Крюссолья достаточно нализалась, чтобы упустить из вида ее маленькую, совсем маленькую и крайне незаконную шалость.

Эль собиралась подкинуть Шарлю де Крюссолю паразита сознания.

Паразит — это продукт мира снов, и этот малыш безобиден сам по себе. Но с ушлым хозяином... Не зря подобная шалость считается незаконной. Паразит способен подчинить зараженного полностью; медленно, но верно он овладевает частью мозга, отвечающей за сновидения. А сны отражают мысли, реальность и даже человеческую душу. Проникнуть в сны человека — значит узнать о нем все. Секреты, тайны, страхи и желания... все. На это требуется время... и паразит, ведь он способен лишить человека естественной защиты и оставить личность злоумышленника в тайне.

Как только Эль заметила, что дружки Шарля отравились на танцпол, она поспешила подобраться ближе к своей добыче. В какой-то момент они с де Крюссолем столкнулись, он глянул на девушку пьяным взглядом, а она призывно улыбнулась. Большого не потребовалось — через пару секунд Шарль притянул Эльфину к себе и схватил ее за пятую точку. Эль приникла к нему с поцелуем, проникая языком в рот и думая о том, что позже придется почистить зубы раз пятьдесят, пока десны не начнут кровоточить. А пока сладко постанывала, изображая живой интерес.

Тем временем паразит сознания запустил свои крохотные лапки в жертву — Шарль де Крюссоль ничего не заметил. Но это и неудивительно, ведь паразиты всегда разные, смотря из какого сна их достать. Эль выбрала незаметного кроху и ловко отвлекла будущую жертву. Контакт состоялся, это уже чувствовалось. Эльфина кое-как оторвалась от парня и сообщила, что ей надо к бару, но она обязательно вернется.

— Нам будет хорошо вместе, детка, — жарко прошептал Шарль и шлепнул девушку пониже спины.

Совсем скоро паразит в его мозгу подарит Эльфине практически неограниченную власть, которую можно использовать во благо — например, сделать из Шарля человека хотя бы на время.

Но Эль никогда так не поступала. Одно дело — украсть информацию или восстановить справедливость за щедрую оплату, совсем другое — привлечь внимание к своей деятельности, меняя людей. Это нечестно, в конце концов. Даже придурки заслуживают право на свободу выбора. А именно свободу Эльфина Рейн ценила превыше всего, именно ради нее делала все, что делает.

Эль выскользнула из бара, стянула рыжий парик и засунула его в рюкзак. Поверх топа накинула толстовку с капюшоном и зашагала к подъемнику «Фишеральп», благо даже в час ночи он работал, пусть и с периодичностью раз в сорок пять минут. Но другого пути до университета «Глетчерхорн» не существовало. Сначала канатная дорога «Фишеральп», после — пересадка на «Глетчеральп», минут пятнадцать пешком до западной стены замка, подъем через окно в обход пропускной системы... Домой раньше двух часов ночи не добраться. Но что поделать: заказ есть заказ, а бар в Фише для незаконных махинаций куда удобнее университетских местечек, где страстную незнакомку проще запомнить. Да, Шарль де Крюссоль тоже из Глетчерхорна.

Поэтому Эль не удивилась, когда в кабину подъемника к ней и кучке других припозднившихся студентов запрыгнула компания де Крюссоля в полном составе. Быстро их праздник свернулся, однако. Эль мысленно поморщилась, натянула капюшон толстовки на лоб и отошла в дальний угол, хотя можно

было не стараться — вряд ли Шарль запомнил лицо незнакомки. В его памяти отложились блестящая копна рыжих волос, а не три белесые волосинки в хвостике — пепельный блонд бывает жесток, покраска дважды в месяц уничтожала волосы Эль, но она была необходима ей так же, как и паразит сознания, подкинутый сыну французского миллиардера. Жизнь Эльфины Рейн полна сложностей.

Свобода. Все ради нее, родимой.

— Гляньте, это же все наши? — Де Крюссоль понизил голос, но его шепот слышался острее, чем обычный говор.

— Нет, туристы, — проворчал его приятель Фаустино де Веласко, наследник... Да, его отец тоже миллиардер. А еще он работает в Комиссии, возглавляет отдел мыслителей, или *cogitatio*, что намного круче завалящего миллиардерства, которым в Глетчерхорне может похвастать едва ли не каждый.

— Думаешь? Не похожи...

— Это был сарказм.

— Понятно. Скучно.

— А ты сам как думаешь, де Крюссоль? — В разговор вступил приятель номер три, Генри Кавендиш. Миллиардерство и отец-политик прилагаются. Добро пожаловать в мир виаторов — людей, способных управлять снами. В этом мире бедных родственников не существует в природе. Зато древних семей, интриг и взаимной ненависти, передающейся из поколения в поколение, хоть отбавляй. — Это же канатка, ведущая в замок, кто еще сюда мог сесть?

— Предлагаю спор: каждый выберет себе по сонливой красотке. Кто первый уболтает свою на экскурсию в комнату с продолжением, если понимаете, о чем я, тот победил. Остальные устроят голую

пробежку во время завтрака, а то в последнее время Глетчерхорн совсем приуныл, ни одного инцидента. Траур трауром, но год назад было так весело...

— Не ты ли на прошлой неделе выпрыгнул в окно без трусов?

— Целая неделя прошла! Ужас какой...

Кабина подъемника была не настолько велика, чтобы остальные пассажиры парней не слышали. Хотя почти все нацепили наушники, и только Эль напряженно прислушивалась к пьяным разговорам, опасаясь, что де Крюссоль ее признает. Но он не признал, зато предложил очередное пари на пустом месте. Прежние догадки подтвердились: у Эль впереди много веселых дней. И хорошо, если это будут дни, а не недели... случалось всякое. Однажды после визита в чужое подсознание Эль месяц практиковала голодание, ее вес опустился до критической отметки в сорок килограммов. Не самое приятное воспоминание.

— Если что, моя — кудрявенькая, — продолжил Шарль, кивая на будущую жертву, горячую красавицу со смуглой кожей.

Эль мысленно усмехнулась, ей даже стало интересно, а есть ли у де Крюссоля шанс попасть в комнату девушки или он получит по развеселым яйцам.

— Я пас, — лениво ответил Фаустино де Веласко и демонстративно зевнул.

— В тебе я не сомневался, ты вечный унылый пас!

Кабину подъемника тряхнуло, что значило одно: скоро пересадка. В этот раз долго ждать подъемника не пришлось, и вскоре та же компания зависла высоко над землей в крошечной темноте. Огни Фиша остались позади, «Глетчералып» пряталась за горным перевалом, вдали от людских глаз.

Местные много говорят об этом подъемнике, на который не сажают туристов и куда невозможно купить прогулочный билет. По слухам, «Глетчеральп» ведет к дому некоего тайного миллиардера, не жалующего посторонних, а под ледником существует целая автомагистраль, по которой к миллиардеру съезжают знаменитые гости. Этаким швейцарский Бэтмен с ледяной пещерой и подъемником вместо «Бэтмобиля». Впрочем, в слухах было много правды: миллиардеры в наличии, тайный замок, скрытый от посторонних, также реален. Прокол только с дорогой. Как вообще можно построить дорогу под ледником? И зачем? Хотя события прошлого года показали: ледник вовсе не стоит особняком и способен кого-то привлечь. Жестоких убийц.

Компания де Крюссоля продолжала шептаться, поглядывая на студентов, сидящих в кабинке, время от времени парни взрывались от хохота. И откуда у них столько энергии! Эль искренне надеялась, что подсознание Шарля подарит ей неисчерпаемый заряд бодрости... Глядя, как молодой человек подошел к кудрявой девушке и указал на ее грудь, заявив, что у нее испачкана футболка, Эльфина только вздохнула. Все же он был неисправимым придурком. Придется ей с этим смириться.

Кабина снова затряслась — это значило, что они добрались до пункта назначения. Эль порадовалась, что взяла с собой толстовку: если в Фише температура еще держалась на уровне двадцати градусов тепла, то в горах, да к тому же у ледника, по ночам было холодно. Она обняла себя за плечи и двинулась по широкой освещенной дороге, ведущей к университету «Глетчерхорн». Ночью картина завораживала: темные вершины гор и яркая подсветка старого замка со множеством башен, корпусов и

пристроек. Три года назад, когда Эль впервые оказалась здесь, она долго любовалась этим захватывающим зрелищем, боясь поверить своим глазам: настолько прекрасным представлялось увиденное. Но все было реально — и в то же время казалось чьей-то красочной фантазией.

— Скучные вы, парни. — До девушки в очередной раз донеслось нытье Шарля де Крюссоля, который все уговаривал приятелей на сомнительный спор. — Эй, Фауст, ну хоть ты поддержи...

Дальнейшие фразы парней потонули во мраке — Эль прибавила шаг, порядком устав от высокоинтеллектуальных выкрутасов однокурсников-виаторов. Тем более что Шарль еще какое-то время побудет с ней, с Эль, так что она успеет насладиться его «лучшими» качествами. Сомнус человека, или его подсознание, *всегда* оставлял на девушке след. Это ее дар и ее проклятие, с которым невозможно бороться. Эльфина Рейн такой родилась. И этим отличалась от многих.

ГЛАВА 2

Фауст

— НУ И ХОЛОД ЗДЕСЬ! Поскорее бы свалить в нормальный мир, достал этот Глетчерхорн. — Шарль догнал приятелей, потирая плечи в попытке согреться.

— Что такое, кудряшка тебя прогнала? — засмеялся Генри.

— Да я сам ушел!

— Не осталось в Глетчерхорне людей, не знакомых с твоим обаянием. Даже рыжая обломщица из бара исчезла! Может, она тебе привиделась? Кроме тебя, ее и не заметил никто...

— Да пошла она! И ты не прав, в Глетчерхорне другая проблема: не осталось *нормальных* людей, способных веселиться. Нам по двадцать лет, самое время трахаться направо и влево и делать все, что вздумается. Стариками еще стать успеем. Такое чувство, что в этой глуши из нас лепят наших предков со всеми этими «влияниями на рынок ценных бумаг через призму подсознания»...

— Ну ты загнул, — присвистнул Генри.

— Да был у меня разговор с отцом летом, — отмахнулся Шарль и поддел плечом приятеля. — Вон Фауст наверняка понимает, о чем я, его с детства к Комиссии приписали: «Быть тебе великим

мыслителем, Фаустино!», «Не расстраивай отца, Фаустино!», «Не забывай демонстрировать миру фирменное унылое лицо де Веласко, Фаустино!».

Не обращая внимания на тычки Шарля, Фауст смотрел вслед стремительно удаляющейся девушке. Значит, это и есть Эльфина Рейн? Похоже на то. И той рыжей «обломщицей», как метко обозвал ее Генри, была она же. Неожиданно. Честно говоря, Фауст ни за что бы не соединил этих двоих в одну личность, если бы не был настороже весь вечер и действительно пил с друзьями, а не только делал вид. Он знал, что Эльфина Рейн появится рано или поздно, и большие надежды возлагал именно на эту вылазку в деревеньку Фиш. Что ж, надежды оправдались.

Пока они ехали на подъемнике, Фауст исподтишка разглядывал девушку, запоминая ее черты, чтобы не ошибиться в следующий раз. Эльфина Рейн училась в Глетчерхорне уже четвертый год, как и сам Фауст, возможно, они даже пересекались на лекциях и практиках, вместе окунались в миры чужих снов, видели друг друга на мероприятиях, состязаниях и изнурительных тестах Комиссии. Наверняка!

Вот только Фауст не смог припомнить ни одну такую встречу.

Быть может, дело в самой Эльфине Рейн, которая не обладала примечательной внешностью и на первый взгляд казалась... никакой. Вроде бы и лицо симпатичное, и спрятанная под толстовкой фигура неплоха (рыжая красotka в баре была вполне себе сексуальной), но глаз за Эльфину не цеплялся. Хотя и Фауст не из тех, кто часто заглядывается на девушек и думает, что в двадцать лет надо «трахаться направо и налево и делать все, что вздумается». Многие считали его высокомерным и холодным, как ледник,

что, пожалуй, отчасти было правдой. Но недостаток ли это? Вряд ли.

А вот тому, что его искренне интересовало, Фаустино отдавался всей душой. Он нырял в мир снов, не жалея времени и сил, чтобы исследовать его законы, постигать логику. Логика есть везде, а уж в Сомнусе на ней держится все. Это только на первый взгляд сновидения кажутся неорганизованной фантазмагорией, на деле же за каждым событием, каждым образом что-то стоит. Фауст относился к мыслителям, но также он был и талантливым программистом. А недавно стал взломщиком, хотя на «взлом» ушло много времени. Он едва не спятил, пытаясь нарушить все существующие правила, но неизменно верил в себя, в логику происходящего. И добился успеха.

Взлом прошел успешно, и теперь ему была нужна Эльфина Рейн. Но для начала пусть покажет себя.

Фауст не причислял себя к людям доверчивым, ему нравилось все проверять и контролировать. Поэтому он организовал для девушки квест с Шарлем и его подсознанием — банальное задание, но только на первый взгляд. А дальше... дальше все зависит от Эльфины. Хотя она уже блестяще справилась. Дело оставалось за Пауком, на которого работала Эльфина Рейн. И если девушку многие знали хотя бы по имени, то личность Паука была тайной.

Просто *Паук*.

— Он может все, — говорил кто-то.

— Он не студент, это точно.

— Однажды я видела его тень.

И прочее в том же духе.

Фауст же склонялся к мысли, что Паук — просто материалист, или *materia*, способный *извлечь, материализовать* из мира подсознания всякое за

внушительную плату. Этот виатор, готовый рискнуть всем ради каких-то денег, для многих был настоящим благословением. Потому что ни один материалист не уступит мыслителю, не пойдет на встречу, не поможет. Можно шантажировать, предлагать несметные богатства, да все, что угодно, делать! Но ответом будет отказ. Материалисты — те еще скоты. Кто-то считал их элитой, а кто-то — обиженными на весь мир.

Среди виаторов девяносто пять процентов были мыслителями. Путешественниками по мирам снов. Но ни один путешественник не умеет извлекать нужные сведения, такое подвластно лишь материалистам. Этим-то они и опасны — умением материализовать что угодно. Паразит сознания — вершина айсберга, ведь рядом с паразитами обитают черви, клещи и много еще даже неназванного, неисследованного.

А еще *кошмары*.

Когда-то гигантский метеорит уничтожил динозавров. А до этого кошмары уничтожили первую человеческую цивилизацию. Выжила лишь жалкая кучка виаторов, они и стали новым началом. Поэтому виаторами, сноходцами, так или иначе являются все люди, но для большинства мир Сомнус — это набор бессвязных сновидений, не более.

Хотя находились и те, кто верил в способность увидеть во снах будущее. И это правда возможно. Для *временников* — еще одного вида виаторов. Если материалисты были редкостью, то временник был всего один, и он возглавлял Комиссию.

Астралы завершали этот список. Они не считались мощным большинством, как мыслители, или элитой, как материалисты, но обладали способностью существовать в двух мирах одновременно.

Видеть сны и поглощать обед. Самым сильным из них вообще не требовался сон, но это было мелочью, если сравнивать с остальными.

Отношения между разными видами виаторов были сложными.

— Мыслители держат этот мир, — внушала ему в детстве мать.

— Мыслители такие ограниченные и всегда жестокие, — утверждала на одной из лекций девушка-материалистка. — Их методы сравнимы с Большим Братом, а это для всех шаг назад.

— Астралы никчемные, от них нет прока.

— Временник один. Можем ли мы верить в его предсказания?

— Материалисты опять погубят мир.

Подобные споры не утихали никогда. Фаустино слышал их в детстве, потом в Глетчерхорне и наверняка прослушает всю жизнь, хотя они уже оскомиனு набили. Многие виаторы верили в приход нового кошмара, в очередной конец света. Так предсказал временник, а кошмар может появиться среди людей лишь с помощью материалиста. Это порождало бурные обсуждения.

Но Фауста мало интересовали теории заговоров, стычки сновидческих идеологий и разборки между виаторами разных направленностей. Он со всей страстью, со всем упорством, на которое был способен, отдавался расследованию убийства Бланки де ла Серда, «ледяной девушки». В прошлом году Бланку нашли замерзшей в Алечском леднике, она угодила в одно из ущелий и осталась там навсегда.

Говорят, Бланка была не в себе.

Говорят, на ледник ее заманил молодой преподаватель, увлеченный своей студенткой. Бланка упала, а он не пришел на помощь. Когда стало теплее,